

Соцреализм растет в цене

Когда Сальвадор Дали объявил о присуждении награды американской ассоциации сюрреалистов Александру Лактионову, это вызвало бурные дебаты в Москве. В Кремле решали: подобает ли лауреату Сталинской премии принимать ее. Шла «холодная война», от прихотей отца народов зависела не только карьера, но и жизнь художника, тем не менее добро на получение премии было дано.

Об этом эпизоде напомнил мне Рой Майлз, знаток советской живописи 40–60-х годов, владелец картинной галереи в центре Лондона. В одном из ее залов выставлена картина Лактионова «Письмо с фронта», второй вариант. Первый — в Третьяковке. Рядом обозначена продажная цена — 42000 фунтов. Майлз считает эту работу лучшим из всего, что ему когда-либо удавалось приобрести. «Ни у кого в мире нет столь основательной школы живописи, как у вас. Я влюблен в соцреализм», — говорит Майлз.

— Но представьте: идет беспощадная война, семьи похоронки получают. А на картине все чин-чином. Раненый боец победно улыбается, девушка-дружинница тщательно приделалась, на мальчишке, читающем письмо, конечно же, повязан пионерский галстук. Вам не кажется, что этот оптимизм — наигранный?

— А разве художники в викторианской Англии или во Франции Наполеона изображали страдания, искалеченных солдат? Нет, но их работы остаются памятниками эпохи.

— Но даже по вашей лондонской коллекции видно, что рецензенты у нас не зря высмеивали многие работы послевоенной поры как лакировочные.

— Это дело рецензентов. А у нас, бизнесменов, есть такое правило: кто сегодня над чем

то смеется в искусстве, завтра, может, будет плакать. Уверяю вас — российское искусство будет доминировать на мировом рынке в 90-е годы.

Майлз знает, о чем говорит. Вот уже 20 лет он регулярно ездит в Россию, а также в страны, входившие в советскую орбиту, в поисках потерянных или недооцененных современниками полотен. Поездки окупались сторицей.

В Ленинграде, придя к вдове Анатолия Казанцева, он обнаружил на стене мансарды картину «Зимний дворец», в романтическом свете изображающую участников октябрьского штурма. Не знаю уж, на чем англичанин сговорился с владельцем, но в галерее в Лондоне на полотне стояла цена 120000 фунтов. Оно продано. В Москве вдова другого мастера — Алексея Вольтера достала работу «Похороны Ленина» из-за холодильника. В Лондоне она стоила 20000 фунтов.

— Россия, по-моему, поступает глупо, когда отказывается продавать картины, которые гниют в подвалах и будут потеряны для будущих поколений... Я знаю, в одном музее у вас хранится 5000 картин, которые никогда не выставлялись за последние 60 лет. Это сумасшествие.

Однажды Майлз нашел у хозяйки московской квартиры акварель, лежавшую в ванне. Ее края отвалились. В Лондоне ее отдал реставратору, и картина теперь хранится в надлежащих условиях. Британец утверждает, что спас от гибели сотни акварелей и рисунков карандашом. Только часть этих богатств представлена на летней экспозиции в галерее. Майлз называет свои приобретения «послами России» в Британии и предсказывает, что российские меценаты вернут их на Родину.

Владимир СКОСЫРЕВ
(Лондон), «Известия».

Известия - 1996. - 25.04.96. - с. 3